

А.Н. Савин

**Лекции по истории
английской революции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Н. Савин**
Лекции по истории английской революции / А.Н. Савин – М.: Книга по Тре-
бованию, 2014. – 389 с.

ISBN 978-5-458-39503-8

ISBN 978-5-458-39503-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТ 1603 г. ДО НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

I. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Английская революция в исторической литературе.— Кларендон.— Мей.— Гаррингтон.— Юм.— Галлам.— Макколей.— Гизо.— Гнейст.— Ранке.— Годвин.— Карлейль.— Маркс.— Энгельс.— Бернштейн.— Гардинер.— Недостаточная разработанность социальной истории Англии.

Правильное понимание важнейших событий в истории Англии XVII в. установилось не сразу. Поэтому я хочу предложить вам небольшой очерк воззрений на историю Англии XVII в.

Для нас нет сомнения в том, что срединным узлом, наиболее важной частью английской истории XVII в., да и не одного XVII в., являются 40-е и 50-е годы, время гражданской войны, республики и протектората, когда политическая борьба достигла наивысшего напряжения. Историк наших дней трудно воздержаться от искушения видеть во времена Якова I и в первых 15 годах Карла I только прелюдию к гигантской борьбе середины века. Время реставрации, время Карла II и Якова II, революция 1688 г., «славная революция», в наших глазах только отдаленный отзвук налетевшей на английское общество более сильной и шумной грозы той поры, в которой Карлейль видит последний этап английского героизма. Но эта точка зрения сложилась недавно и не без труда получила распространение в английском и вообще в европейском обществе. У людей, живших вскоре после переворота, отношение к истории XVII в. было вовсе не таково. После того как отшумели бури первой «великой» английской революции, длинный ряд поколений, напуганных ими до потери чувства перспективы, оглядывался на пережитую смуту с радостью по поводу ее конца, с тревогой перед возможностью ее повторения, оглядывался и отвертывался, закрывал глаза, старался забыть эти 20 лет, как тяжелый, но, к счастью, безвозвратно миновавший кошмар.

Реабилитация «великого мятежа» есть дело только XIX в. Она началась притом с той его стороны, которая, быть может, всего менее манит к себе историка наших дней. Ранняя попытка Годвина раскрыть величие английских республиканцев не произвела большого впечатления. Перелом в общественном мнении начинается со знаменитой книги Карлейля о Кромвеле. Не люди политической свободы, демократических порывов и религиозного непротивления злу, а суровый герой порядка и мощной всеокрушающей силы, воскрешенный влюбленным резцом великого писателя, вызывает

отклик в сердцах уважаемых англичан времени Пия и Кобдена и заставляет их постепенно изменить свои взгляды на пору пуританского безумия. Присматриваясь к ней, англичане высших и средних классов начинают еще с новой стороны чувствовать свое кровное родство с революционерами XVII в. Долгое время 40-е и 50-е годы были вычеркнуты из официальных версий английской истории. Карл II вступил на престол сейчас же после мученической кончины своего отца. В правительственном издании парламентских статутков, появившемся в начале XIX в., вы не найдете актов гражданской войны, республики и протектората. Законодательство прерывается после разрыва короля с Долгим парламентом и возобновляется лишь вместе с реставрацией; «мятежнические» акты доселе приходится разыскивать в частных собраниях. А в самом конце века тайный советник и бывший министр королевцы пишет проникнутую сочувствием биографию главного царевубийцы (Морлей, 1900), о которой самым лестным образом публично говорит настоящий министр ее величества, тогдашний идол патриотов и лоялистов (Чемберлен). И что еще соблазнительнее, за несколько лет перед тем одно неизвестное лицо приносит в дар парламенту бюст этого самого царевубийцы, который, кстати сказать, самым непочтительным образом разогнал несколько парламентов, и парламент принимает подарок, ибо ни для кого не секрет, что этот неизвестный, быть может, наиболее уважаемый и близкий ко двору человек, бывший премьер ее величества (лорд Розберн). Вместе с бюстом в официальный исторический пантеон входит английская революция, по крайней мере часть ее, и не смущает больше ничьих робких взоров. В страшных смутянах и насильниках англичане наших дней нашли своих предков, которые проводили строгую протекционную политику, полагали основание колониальной империи, одерживали победы в разных морях и разносили славу английского имени, английской веры, английского флота, английского сукна. Недаром наиболее уравновешенный, осторожный и компетентный историк этого периода (Гарднер) объявляет наиболее выдающегося деятеля смуты «наиболее типичным англичанином нового времени».

Совсем не то было в XVII и XVIII вв. Мы должны выяснить причины отрицательного отношения к периоду английской революции и познакомиться с тем, как постепенно осуждение сменялось более спокойным отношением.

Причины отрицательного отношения к первой английской революции кроются в исторических традициях английского общества. Первой английской революции предшествовал долгий период попыток установить в Англии порядки, близкие к континентальному абсолютизму. С прекращением династической борьбы Роз английское общество вступило в очень длинную полосу внутреннего мира, надолго утратило способность организованного и смелого сопротивления захватам и насилиям своих деспотически настроенных правительств. На протяжении полутора веков, которые отделяют момент появления Тюдоров от начала великой борьбы середины

XVII в., можно указать только одно сильное вооруженное движение—«Благодатное паломничество» при Генрихе VIII,—характерное для обстановки политического смирения, в которой воспитывался длинный ряд поколений. Но и его участники полны покорности и лояльности: паломничество было успешно, но победители испугались, сложили оружие и принесли повинную верховной власти. Недовольство, конечно, существовало, зрело, накоплялось, распространялось; но люди отвыкли от мысли, что можно восстать против гнета и насилий, отвыкли от грубой борьбы и боялись безначалия. Смута налетела на англичан, ошеломила своей неожиданностью, завертела их в вихре грозных событий и надолго отняла способность дать себе ясный ответ в том, почему и что произошло. В английской истории XVII в. мы замечаем то же явление, которое повторялось после и в истории других стран: политический порядок доживает последние дни, недовольство разлилось глубоко, но в силу неорганизованности, привычки к подчинению люди не в состоянии представить себе возможность крушения старых форм жизни. Мы видим это на пороге XIX в. во Франции, испытываем по личному опыту в начале XX в. С таким же настроением встречаемся мы и в Англии перед самым началом открытой борьбы против старого порядка. Полное ослепление овладело людьми, которые, казалось бы, всего более могли и должны были быть осведомлены о ветхости и шаткости политического порядка, о грозной опасности, его ожидающей. Государственные деятели, стоявшие у кормила правления, накануне революции всего менее ждали ее и не могли отказаться от мечты довершить абсолютистское здание. Укажу два характерных отзыва, сделанных на пороге революции. В 1638 г., за два года до созыва Долгого парламента и за четыре года до начала борьбы, один из наиболее видных дипломатов Англии на континенте, Уоттон, говорил о положении своей родины. Он отрицает возможность переворота и восстания, верит в безусловную лояльность англичан и с гордостью заявляет: «Мы в Англии не знаем, что такое бунтовщик или измена. Самые эти имена устарели вместе с вещами». Около того же времени наиболее выдающийся деятель по утверждению абсолютизма в Англии, наиболее крупный государственный человек двенадцати лет деспотического беспарламентского правления, полновластный правитель Ирландии и влиятельный советник короля по английским делам, знаменитый лорд Страффорд, в своей переписке выражает уверенность, что все обстоит благополучно, везде царит полное довольство: «Народ совершенно спокоен и, если только я не делаю очень грубой ошибки, совершенно доволен, если только не упоен, милостивым правлением и покровительством его величества».

Пелена лежала на глазах не у одних сторонников старого порядка. Не предчувствовали событий и недовольные, даже самые выдающиеся между ними, которые немедленно стали во главе оппозиционного и революционного движения. Некоторые изумляются своим успехам, почти не верят им, их быстроту и полноту

приписывают не себе, а персту божью, неисповедимой благодати провидения. Это настроение индепендентов объясняется не только их религиозным воодушевлением, но и неожиданностью перемен. Кромвель наверху своего могущества постоянно твердил о чудесности успеха святых людей, который (успех) не поддается земному учету и может быть объяснен лишь особым небесным покровительством.

В обстановке всеобщей растерянности и недоумения, по горячим следам событий создавалась первая крупная историческая работа об английской революции, «История мятежа». Ее автор, Эдуард Гайд, лорд Кларендон, был видным участником тех событий, о которых пишет; он пишет в значительной мере по личным воспоминаниям. Кларендон стоял в рядах побежденных, которых снова вынесла наверх волна торжествующей реакции; поэтому к растерянности перед хаосом событий у него примешивается негодование на народное ослепление, жажда раскрыть грехи деятелей первой революции. Юрист по профессии, в Долгом парламенте он первое время находился в рядах умеренной оппозиции, примыкал к группе конституционных роялистов. Но события очень скоро опередили его. В гражданской войне он с самого начала оказался на стороне короля и скоро стал одним из самых влиятельных членов королевского совета в Оксфорде, писал все сколько-нибудь важные манифесты роялистов. После военного краха роялистов в 1646 г. он должен был эмигрировать на Джерсей, где и начал писать свою историю, а потом во Францию, вместе с наследником престола. Он вернулся назад вместе с реставрацией и стал лордом-канцлером и главным руководителем всей реакционной внутренней политики в первые годы реставрации. Он пал в 1667 г., несправедливо обвиненный в измене, и опять эмигрировал во Францию, где и умер в 1674 г. Во Франции после 20 лет перерыва он возвращается к своей «истории» и, сверх того, пишет еще важную автобиографию.

Этот человек, находившийся в чрезвычайно благоприятной обстановке, чтобы видеть все нити революционного процесса, равно ничего не понимает в нем. Он вполне разделяет точку зрения своего современника, незамысловатого роялиста, который, недоумевая по поводу причин переворота, писал про дореволюционные годы Карла I: «Каждый сидел тогда спокойно под своей смоковницей, и источники справедливости текли ясной и быстрой струей». Это писал Уорик (sir Ph. Warwick), личный секретарь короля в его последние месяцы.

Кларендон заверяет, что 12 лет правления без парламента были самым счастливым временем английской истории. Жилось будто бы лучше, чем при Елизавете и Якове. Король был безобидный, милостивый, целомудренный, трезвый, благочестивый человек. Двор жил в полном довольстве, церковь цвела необычайными дарованиями, страна богатели, торговля росла, королевский флот внушал страх врагам. Imperium и libertas были примирены. Отчего же пришла беда? Кларендон теряется в догадках; он старается найти какие-

нибудь причины. Король слишком милостиво принимал папских послгов. Необдуманно и стремительно распустил свои первые три парламента и долго не созывал новых; надо было чаще созывать их, чтобы рассеять страх перед ними и обратить их в покорное орудие правительства. Король слишком мало ценил свой Тайный совет, допустил публичные прения по судебным делам, допустил парламент до расспросов о закрытых заседаниях Тайного совета; злоупотреблял юрисдикцией Звездной палаты и Тайного совета; неправильно взимал без парламентского разрешения весовые (tonnage and poundage) и корабельные деньги. Но сам же Кларендон чувствует недостаточность подобных объяснений и готов объяснить революцию психической заразой, непонятным образом обуявшей английское общество. У народа точно помутился разум, все точно взбесились, раздували ничтожные нарушения отдельных законов и не замечали, что здание конституции стоит незыблемо, что ему не угрожает ни малейшей опасности со стороны правительства. Произошла всеобщая измена вере, долгу и присяге. Перемена была так внезапна и повсеместна, что в ней приходится видеть чудо.

Растерянность до такой степени овладевает сознанием этого историка первой революции, что он склонен объяснять события, как хитрое насилие ничтожного меньшинства над заблуждавшимся близоруким большинством. Здесь Кларендон предвосхищает объяснение, которое Ипполит Тэн давал некоторым периодам французской революции—«conquête jacobine». Не король, а Долгий парламент низверг старую конституцию. Между монархией и господством права нет никакого противоречия. Король и право в случае своего союза будут настолько сильны, что преодолеют всякое сопротивление. Следствия победы революционеров были ужасны: в Англии на время утверждается атеизм, нарушаются всякие обязательства, падают все основы права и свободы. Огромное большинство дает обмануть себя кучке людей, проявивших необычайное искусство в злой политической интриге, в сочинении массовых петиций, в разнузданных уличных демонстрациях, в застрашивании противников, в печатной клевете, в застрашивании парламента лондонской чернью. Все притворно в этих интриганах: религиозное воодушевление, любовь к свободе, привязанность к народным правам. Они не брезгают никакими средствами. Кларендон разоблачает злые уловки и фокусы, к которым прибегают вожди революции. Одним из видных моментов был судебный процесс над лордом Страффордом, сбившийся на политическое преследование. Одно из главных обвинений, предъявленных к Страффорду, было обвинение в нарушении конституции, когда он был наместником Ирландии и подготавливал армию для короля. Кларендон рассказывает, что вождь парламента, знаменитый Пим, прибегал к недостойным маневрам: он приказывал разыскивать самых оборванных, самых потерянных ирландцев, одевал их на свой счет в дорогие костюмы, в течение нескольких недель обучал их хорошим манерам и заставлял фигурировать на суде в качестве

почтенных людей, сидевших о дьявольских замыслах наместника Ирландии.

Смута ушла так же быстро, так же необъяснимо, как и пришла. «Рестаурация была таким дивным актом провидения, какого бог не оказывал ни одному народу с той самой поры, как провел свой избранный народ через Чермное море». Остается преклониться перед высшей волей и стряхнуть с себя все следы революционного кошмара.

Не все современники английской революции удовлетворялись объяснениями, подобными объяснениям Кларендона. Некоторым были видны религиозные корни смуты. Историк Долгого парламента Мей (Th. May) связывает смуту XVII в. с религиозным переворотом XVI в. Еще в XVI в. произошли глубокие перемены в религиозном сознании народа. В связи с ними английское правительство разорвало с Римом; но установившиеся в английской церкви порядки совершенно не удовлетворяли людей с новыми религиозными запросами. На требование церковных реформ упрямое правительство отвечало решительным отказом и суровыми преследованиями. Чтобы провести ту форму церковного строя, которую они считали необходимой для спасения, они были вынуждены свергнуть английское правительство и занять его место.

От наиболее проникательных современников не укрылись даже социально-экономические корни смуты; к числу их принадлежал едва ли не самый выдающийся из английских политических теоретиков XVII в. Джеймс Гаррингтон (James Harrington), автор трактата об «Океании». Этот трактат есть утопия, но Гаррингтон должен был из цензурных соображений окутать свои взгляды на прошлые, настоящие и ближайшие политические цели туманом утопии, так как тогда над Англией лежала тяжелая рука диктатора Кромвеля. В одном отделе своей книги он касается истории Англии и с чрезвычайной ясностью указывает на хозяйственные и общественные причины политического переворота. Хозяйственным явлениям он приписывает определяющую роль в развитии английского и вообще всякого общества. Здесь он прямо-таки предвосхищает историческую философию того направления, которое получило столь широкое распространение с конца XIX в. под именем исторического материализма.

Для Гаррингтона политический строй общежития определяется хозяйственным строем. Политически господствующим слоем является тот общественный класс, в руках которого сосредоточена наибольшая часть наиболее важного вида частной собственности. «Политическое господство следует за равновесием собственности». Так как Англия оставалась тогда страной земледельческой, то в глазах Гаррингтона перемены в распределении землевладения служат ключом к объяснению важнейших явлений английской истории.

Долговременное существование монархии, по его мнению, объясняется тем, что долгое время земельная собственность и власть распределялись между королем и дворянством. Монархия

была прочна, ибо между ней и поземельной аристократией нет принципиального различия интересов, и дворяне восставали против отдельных монархов, но не против монархии. Династия Тюдоров проявила крайнюю близорукость: она увидела в крупных землевладельцах своих врагов и употребила все силы, чтобы сломить их. Генрих VII решил сломить силу знати опалами, преследованиями ливрей, защитой крестьянского землевладения. Генрих VIII продолжал политику своего отца, и отнятые у монахов земли в большей своей части достались общинам, народу. Они в значительной мере достигли цели; пэры ослабели, но с ними пошатнулся и трон. Баланс собственности переместился к разбогатевшим общинам,—отсюда смута. Она произошла не от деспотических наклонностей короля, не от политического упрямства подданных, не от партийных козней, а от перемен в распределении собственности. Средние классы стали хозяйственно сильнее высших. Правда, эти средние классы долгое время не сознавали происшедшей перемены, не замечали своей мощи, но когда при Стюартах они сознали ее, они низвергли монархию, которая сама отняла у себя поддержку дворянства. У ослабевшего правительства оставалась только одна надежда, надежда на армию. Монархия схватилась за это средство, чтобы вернуть прежнее положение, и познала всю тщету усилий идти против неумолимого хода хозяйственного развития. Не гражданская война обессилила и погубила королевское правительство, а ослабление королевского правительства породило гражданскую войну.

Эти проникательные голоса не привлекли к себе внимания и остались голосами вопиющих в пустыне. Реставрация повлекла за собой резко отрицательное и близорукое отношение к революции. Казалось бы, революция 1688 г. с последовавшим за ней господством вигов могла изменить взгляды на свою предшественницу, внести известную широту и терпимость хотя бы только в суждение об ее политической стороне. переворот 1688 г. был совершен во имя народного верховенства, под знаменем защиты народных прав и верований, попранных королевским деспотизмом, и привел к прочному ограничению королевской власти. Казалось бы, победители 1688 г. легко могли усмотреть в победителях середины века своих духовных предков. Один знаменитый историк второй половины XVIII в., Юм, действительно жаловался, что долгое господство вигов распространило в английском обществе превратные и вредные взгляды на историю первой революции, которая из партийных соображений подверглась полному искажению у ряда сочувствовавших вигам писателей. Карла I изображали тираном, папистом, виновником гражданской войны; английской церкви приписывали твердое намерение вернуться к римскому идолопоклонству; только в пуританстве видели истинную религию.

Эти обвинения нужно признать сильно преувеличенными. Деятели 1688 г. не имели никакого желания реабилитировать деятелей «великого мятежа». Наоборот, они всячески старались провести резкую грань между бескровной и «негальной» революцией, кото-

рую совершили они сами, и кровавой беспорядочной борьбой середины века. Старания вигов увенчались успехом: в сознании англичан переворот 1688 г. надолго был окружен ореолом, как наиболее светлый, лучезарный факт английской истории, и закрепил за собой имя «славной» революции, которую было бы преступно сопоставлять с мрачными событиями недоброй памяти 40-х и 50-х годов. И для такого мнения имелись некоторые основания. Переворот 1688 г. действительно отличался от первой революции. Он был несравненно уже ее по своим целям, причинам, участникам. В существе дела он был совершен небольшим кружком вигских лидеров, к которым в последнюю минуту пристало и большинство торийских вождей, для того чтобы устранить католическую и абсолютистскую опасность, почти одинаково ненавистную обоим партиям. Большая часть населения сочувствовала перевороту, но держалась пассивно; с начала до конца переворот носит резко аристократическую окраску. Он не влил новой струи в социальную историю Англии, а только закрепил и оформил сложившееся много раньше его преобладание аристократических элементов. Две политические партии, ожесточенно и шумно боровшиеся за власть в XVIII в., опирались на разные слои общества. С некоторыми оговорками можно утверждать, что за вигами стояли более широкие, более демократические слои населения, чем за тори. Но подлинная власть и у вигов принадлежала незначительному, строго аристократическому меньшинству. Большую часть XVIII в. власть в государстве принадлежала вигам. Но никогда влияние породистых крупных и средних землевладельцев не было так сильно в английской деревне, как в XVIII в. XVIII век есть классическая пора скуайрархии. Аристократы и скептики, стоявшие во главе вигов XVIII в., не могли чувствовать симпатии к победителям первой революции с их политическим радикализмом, демократическими порывами, религиозным энтузиазмом. Временами, особенно при Георге III, когда виги надолго попали в оппозицию, отдельные вожди позволяли себе резкий отзыв о том или другом эпизоде мятежа. Так, Фокс в своей «Истории Якова II» позволил себе предположить, что казнь короля должна была поднять уважение к английскому народу в континентальной Европе. Но в общем отношение вигов к первой революции могло быть только отрицательным. Здесь между ними и тори разница была только в оценках деталей, но не в существе дела.

Лучшим образчиком распространенных в английском обществе XVIII в. взглядов на историю предыдущего столетия является «История Англии» Д. Юма. Ее знаменитый автор, бестрепетный скептик в религии и философии, в политике был консервататором и принадлежал к тори. Но если вы станете сравнивать его взгляды на XVII в. с соответствующими взглядами таких типичных вигов, как Галлам или Маколей, вы не усмотрите между ними очень существенной разницы. Второстепенные различия, конечно, есть. Виги настаивали на том, что традиция политической свободы никогда не обрывалась в Англии, что английская конституция сло-

жила в незапамятной древности. Когда революционеры XVII в. вступили в борьбу с правительством, они не требовали ничего нового, не отправлялись от представления о политическом идеале, а требовали возврата к старине, были истинными консерваторами. Юм считает такого рода построение наивным заблуждением. Он возражает, что при Тюдорах королевская prerogative чрезвычайно усилилась, и в Англии не только фактически, но и юридически прочно установились порядки, довольно близкие к континентальному абсолютизму. Оттого, по его мнению, совершенно несправедливо обвинять двух первых Стюартов в нарушении бесспорных прав народа. Таких прав не было, ибо Стюарты унаследовали от Тюдоров самую широкую prerogative. Они не выступали с новыми притязаниями, а были хранителями исторической традиции и только защищались. Захватчиками и насильниками были парламенты, которые каждый год пытались ограничить или уничтожить ту или другую сторону королевской prerogative. Во взглядах Юма на события XVII в. проглядывает очевидное нерасположение к первой революции, и отрицательное отношение к этому перевороту у него еще решительнее, чем у вигов. Но и Юм вовсе не безусловный защитник политики Стюартов. Границы между prerogative и «привилегиями» (т. е. правами народа и парламента) были неясны. Правительству следовало выступать осторожнее, тем более, что оно опиралось не на реальную силу войск, а на моральную силу общественного мнения. Стюарты действовали очень неосторожно. Особенно сильно недовольство вызывал своими неуместными притязаниями Карл I. От судей и прелатов он требовал раболепной покорности и тем самым подрывал в народе уважение к праву и религии—двум основным устоям общежития. Но как ни велики были политические ошибки династии, они не в состоянии объяснить революцию. В 1641 г. победа парламента была так полна, власть короля пала так низко, что парламент мог провести какую угодно реформу, политическая революция могла кончиться. Революция продолжалась еще почти 20 лет, напичкала злобой и смутой всю Англию. Где причина этого? Ответ подсказан Юму его скептицизмом.

Религиозный фанатизм продлил и обострил смуту, отравил самые чистые народные настроения. Юм признает, что в 40-х годах было много людей храбрых, способных, бескорыстных, патриотичных, что даже широкие слои населения вдохновлялись высокими принципами. Он указывает, что самая смута имела отчасти хорошие следствия: гражданская война разбудила военный гений страны и создала прекрасных солдат; военная мощь Англии выросла в смуте. Среди всеобщего беспорядка худородным талантам открылась возможность двигаться вверх, достигать самого высокого положения. И все-таки «богословская ненависть» всюду творила свое разрушительное дело. К вечному позору для Англии ее революция пошла от ничтожных, презренных вещей: расшитых облачений, широких рукавов, поклонов перед алтарем,

празднования субботнего дня. Раздутые злобной печатью, эти пустые разногласия напоили непримиримым ожесточением парламент и нацию. У парламентской партии искажился даже национальный характер. Веселые, прямые и искренние англичане стали мрачными и нетерпимыми лицемерами, отмечающими от себя самую мысль о развлечении. Религиозное лицемерие привело к сомнению: каждый хотел опередить соседей в святости и совершенстве. Здесь таилась и социально-политическая опасность. Чем фанатичнее была секта, тем она была разрушительнее. Индепенденты взяли нотой выше пресвитериан. Пресвитериане хотели ограничить власть короля, индепенденты хотели уничтожить и монархию, и аристократию, установить в республике полное равенство состояний. В индепендентах хороша была только религиозная терпимость, и приходится удивляться тому, что столь разумное учение обязано своим происхождением не разуму, но вершине неразумия и фанатизма. В индепендентском парламенте 1653 г. Юм усматривает лишь безумный фанатизм простолюдинов, замысливших заменить английское право моисеевым законом. В конце концов английское общество стало перед опасностью политического и общественного разложения. Особенно вредна была внезапность смуты. От тишины, согласия, покорности, трезвости англичане мгновенно перешли в состояние партийности, фанатизма, восстания, почти помешательства. Ожесточение враждебных партий доходило до крайности, люди разных партий отказывались от всякого общения. Если бы смута продлилась еще немного, можно думать, повторились бы все ужасы древних прокрипций.

Поэтому, в глазах историка, каждый англичанин должен благоговеть реставрацию, так как наступившее с ней даже относительное успокоение было благотельно для страны. Правда, в политическом отношении оставалось много неопределенного: революция не провела разграничительной черты между короной и парламентом, реставрация также не решила вопроса, кому должно принадлежать верховенство, и потому политическая борьба продолжалась. Но, по крайней мере, утихло религиозное ожесточение.

Юм не любит вигов, но при всей вражде к ним он не отрицает возвышенности их политических идеалов. Он не скрывает теневых сторон торийского политического идеала. Он допускает, что политический застой может усыпить людей, понизить их силы, заглушить их дарования, тем более, что такой застой обычно сочетается с отсутствием свободы. Но в погоне за свободой, за совершенствованием общежития виги колеблют нередко самую основу общежития—уважение к сложившемуся государству. Юм упрекает своих противников и в демагогии, которая приводила их иногда к побряккам народному безумию и озлоблению, к полной неразборчивости в политических средствах.

И тем не менее, расстояние, отделяющее Юма от вигов, в существе дела невелико. Юм решительно осуждает деспотические и ка-